

П.А. ПАШЕНЦЕВ

АСПИРАНТ САХАЛИНСКОГО  
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА,  
г. ЮЖНО-САХАЛИНСК

## КЕРАМИКА НАБИЛЬСКОГО ТИПА ПОСЕЛЕНИЯ ЧАЙВО-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 2004 г.)

Концепция *набильской* культуры Северного Сахалина появляется в историографии в середине 2000-х гг. Научной базой для ее выделения послужило накопление археологического материала в ходе проведения ряда археологических раскопок в северной части острова Сахалина, проведенных археологами Сахалинской лаборатории археологии и этнографии СахГУ и ИАЭТ СО РАН (СЛАЭ СахГУ и ИАЭТ СО РАН) под руководством А.А. Василевского (Чайво-1, Чайво-6, Джимдан-5), П.В. Кашицина (Лебединый-1) и В.А. Грищенко (Аскасай-7), а также археологических исследований С.В. Горбунова (Адо-Тымово-1, Старый Набиль-1)<sup>1</sup>. В результате проведенных работ накоплен богатый археологический материал, получена серия радиоуглеродных дат.

Автором концепции *набильской* культуры является А.А. Василевский. Выделение сначала *набильской*, а затем *пильтунской* культур эпохи палеометалла на Северном Сахалине пришло на смену концепции *северосахалинской* культуры, которая первоначально считалась неолитической<sup>2</sup>.

Автор концепции предлагает следующие критерии *набильской* культуры: наличие полуподземных жилищ четырех-, пяти- и шестиугольной форм одно- и двухкамерных с соединительными ходами-тоннелями;

остродонные сосуды, диаметр устья которых обычно превышает или равен высоте изделия. Керамику отличают простота и строгость стиля, вогнутый венчик, острое дно. Изделия орнаментированы гребенчатыми оттисками в проксимальной части сосуда, которые формируют композиции из параллельных линий, подвесок и отдельных оттисков гребенчатого штампа. Керамика *набильской* культуры аналогична выделенной Т. Нииока керамике типа *эсутору*<sup>3</sup>, а также выделенной А.С. Колосовским керамике типа *кадыланья*<sup>4</sup>;

каменный инвентарь немногочисленный, представлен черешковыми и рукояточными формами ретушированных орудий и исключительно уплощенными формами шлифованных тесел<sup>5</sup>.

В 2010 г. в свет вышла статья хабаровского археолога В.А. Дерюгина, в которой автор на основе сопоставления форм сосудов ряда археологических культур острова Сахалина и сопредельных территорий делает вывод о большей, нежели считалось, морфологической вариативности керамики *набильского* типа, включении в нее части сосудов, относимых к *пильтунскому* типу, а также о неправомерности выделения, как самостоятельной, *пильтунской* культуры<sup>6</sup>.

Таким образом, в вопросе о *набильской* культуре возникает ряд проблем.

1. Что такое *набильская* культура и каковы критерии ее выделения? 2. Как соотносятся *набильский* и *пильтунский* комплексы? С целью разобраться в этих вопросах мы проанализировали имеющиеся на сегодняшний день научные публикации и отчеты, а также археологическую коллекцию

№ 581 раскопа № 2 поселения Чайво-1 2004 г. (автор научного отчета, держатель Открытого листа, д.и.н. А.А. Василевский).

География распространения керамической традиции остродонных изделий, украшенных гребенчатым штампом, обширна и включает как северную, так и южную части острова Сахалина. Однако на юге керамическая традиция остродонников с гребенчатым орнаментом в I тыс. до н.э. сосуществовала с керамической традицией остродонной посуды, украшенной веревочными (шнуровыми) оттисками, принадлежавшей носителям *сусуйской* культуры эпохи палеометалла, по-видимому, родственной *набильской*<sup>7</sup>. Однако полагаем, что вопрос о взаимоотношениях *набия* и *сусуи* требует отдельного глубокого рассмотрения и выходит за рамки настоящей статьи.

Опорными для *набильской* культуры на сегодняшний день считаем датированные археологические комплексы, полученные методом раскопок. Такими являются Чайво-1 Нгаян (жилище № 187), Чайво-6 (жилище № 1), Джимдан-5 (жилища № 1 и 2), Лебединый-1 (жилище в составе многослойного объекта № 51), а также комплекс поселения Аскасай-7 (жилища № 1, 2 и 3). *Набильские* поселения приурочены к береговым террасам заливов и крупных рек, что является свидетельством ориентации населения на потребление водных биоресурсов и характерно для народов Сахалина, начиная с раннего неолита<sup>8</sup>. Все опорные памятники *набильской* культуры расположены в северо-восточной части острова Сахалина, это объясняется относительно большей изученностью данного района по сравнению с остальными. Вместе с тем предполагаем обнаружение памятников *набильской* культуры в северо-западной и центральной части острова.

Поселение Чайво-1 Нгаян обнаружено в 2001 г. О.А. Шубиной, И.А. Самариним. В 2003 г. две жилищные западины поселения изучены методом археологических раскопок отрядом СОКМ под руководством к.и.н. О.А. Шубиной<sup>9</sup>. В 2004 г. раскопки поселения Чайво-1 проводил отряд СЛАЭ СахГУ и ИАЭТ СО РАН под руководством д.и.н. А.А. Василевского<sup>10</sup>. Раскопом 2004 г. охвачены три жилищные западины № 187–189, межжилищное пространство, включающее ров неясного происхождения. В процессе раскопок выделено еще одно, погребенное, жилище № 217 и остатки воздушного погребения, вероятно относящееся к эпохе Нового времени. Почвенные горизонты поселения, вмещающие артефакты, разбирались четырьмя слоями. При разборе слоя 1 снималась дерно-гумусовая прослойка и подстилающий ее горизонт выщелачивания. В слой 2 включено заполнение жилищ, образованное позднейшими отложениями и перераспределением почвенных слоев после разрушения жилищных западин. Слой 3 поселения образован непосредственно в процессе жизни и хозяйственной деятельности обитателей жилищных западин. Этот слой включает пол жилищных западин, очаги и столбовые ямы. Слой 4 зафиксирован только в погребенном жилище № 217, образуя его заполнение. Однако через жилище № 207 проходит более поздняя траншея, нарушающая его целостность. Это делает невозможным четкое выделение содержащегося в жилище археологического комплекса. Таким образом, важнейшим для вычленения надежных датированных археологических комплексов является слой 3 поселения. В третьем слое артефакты располагаются *in situ* и связаны с углем из очажных линз.

Проведенный Л.А. Орловой радиоуглеродный анализ угля из очажных линз позволил датировать два комплекса поселения Чайво-1: жилища

№ 187 возрастом  $2490 \pm 40$  и жилища № 188 возрастом  $2440 \pm 65$ <sup>11</sup>. Таким образом, радиоуглеродное датирование показывает, что жилища № 187 и 188 существовали приблизительно в одно время в рамках VIII–V вв. до н.э.<sup>12</sup>

В ходе археологических работ выяснено, что жилище № 187 являлось двухкамерной конструкцией, вытянутой по линии север – юг. Камеры жилища соединяются коридором тоннельного типа (длина коридора 3 м, ширина 1 м). Северная, большая, камера является прямоугольной в плане ямой, размерами  $10 \times 10 \times 0,7$  м. Южная камера в плане имеет форму пятиугольника размерами  $5 \times 3,5 - 3 \times 0,6 - 0,8$  м. Целостность южной камеры, по-видимому, частично нарушена поздней траншеей, примыкающей к ней с восточной стороны. В центральной части северной камеры зафиксирована линза очага, устроенного, по-видимому, на деревянных плахах<sup>13</sup>.

Планиграфия жилищ № 188 и 189 сходна. Оба они имеют четырехугольную в плане форму, размеры  $8 \times 8 \times 0,3 - 0,35$  м, ориентацию углом на север и к заливу. Сходство планиграфии позволяет предполагать одновременность постройки этих двух жилищ и их принадлежность носителям одной культурной традиции.

Статистический анализ археологического материала в 3-м слое жилищных западин показал следующие результаты. По жилищу № 187: соотношение керамика–камень – 96,3% и 3,7% соответственно. Среди каменного инвентаря 12 отщепов и сколов, 4 орудия. Соотношение 75% к 25%. По жилищу № 188 соотношение керамика–камень – 95,2% и 4,8%. В каменном инвентаре 5 отщепов и сколов, 1 орудие. Соотношение 83,3% к 16,7%. В жилище № 189 соотношение керамики и камня – 90,6% и 9,4%. В каменном инвентаре 15 отщепов/сколов и 1 орудие. Соотношение 94% и 6%. Орудийный набор по трем жилищам включает 3 острья, 1 бифасиально обработанный нож, 1 наконечник и 1 орудие на отщепе. Таким образом, керамика в жилищах является преобладающей находкой. Комплекс расщепления в жилищах не фиксируется, нет его и в межжилищном пространстве. Кроме того, в списке хозяйственно-бытового инвентаря представлен далеко не полный перечень каменных орудий. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что обитатели жилищ хорошо знали и, по-видимому, имели орудия из металла. Собственно, подтверждают данный вывод и датировки комплексов поселения. Отсутствие орудий из металла в комплексах Сахалинских объясняется повышенной агрессивностью гумусовых кислот, в условиях бедных окислами кварцитов и морских песков, формирующих подзолистые почвы Северного Сахалина<sup>14</sup>.

С целью определения типологических особенностей глиняного теста, формовки, обработки поверхности сосуда и декоративных особенностей керамики *набильского* типа было проанализировано 57 фрагментов керамических сосудов<sup>15</sup>. Все они залегали в 3-м слое северной камеры жилища № 187. При анализе этапов керамического производства керамики использована терминология, принятая в экспериментальном направлении изучения гончарства, предложенная А.А. Бобринским<sup>16</sup>. При анализе керамического материала использовались следующие методы:

- метод микроскопии состава формовочной массы и особенностей механической обработки поверхностей;
- метод визуальной идентификации в сочетании с экспериментальным моделированием при анализе особенностей построения полого тела и формообразования;

– при анализе особенностей обжига сосудов цветовая идентификация в сочетании с обжигом экспериментальных моделей.

Формовочные массы всех изделий изготовлены из глиняного сырья с добавлением минерального отощителя. В качестве отощителя использованы сортированный песок и мелкая галька. Перед добавлением в глиняное сырье отощитель просеивался, поскольку более крупные фракции могли испортить тонкие (4–6 мм) стенки изделия при механической обработке поверхности, сушке и обжиге. Размеры отощающей фракции варьируются в пределах 0,25–2 мм. Поскольку в качестве отощителя использовались окатанные фракции, полагаем, что песок мог добываться на пляже либо непосредственно из залива. В пользу данного вывода, на наш взгляд, свидетельствует также слабая пористость черепка, заметная на изломе и, по-видимому, образовавшаяся в результате выгорания мелких фрагментов ракушек, содержащихся в морском песке. Однако подтвердить или опровергнуть наши предположения о составе отощающих фракций, так же, как и о процентном соотношении глиняного сырья и отощителя в *набильской* керамике, может лишь проведение петрографического анализа.

Среди изученных фрагментов 29 относятся к венечной части сосудов, 26 – являются фрагментами тулова, 2 – доньшками. Анализ морфологических особенностей черепков позволяет сделать вывод о том, что целый сосуд представлял собой емкость с острым, выраженным в форме небольшого сосочка, дном, слабопрофилированным туловом. Венечная часть в большинстве фрагментов вогнута внутрь сосуда, но фиксируются также прямые венчики.

Тулова керамических сосудов из жилища № 187 собирались способом ленточно-кольцевого налета. Об этом свидетельствуют фрагменты разрушения сосуда по линиям спаю – вертикальным (соединения лент друг с другом) и горизонтальным (замыкание ленты). Начин – блок первоначальных операций по формированию емкости сосуда, определяющий последовательность выполнения всех остальных процедур<sup>17</sup>. Начин задает программу формовки изделия. И.Г. Глушков выделяет две таких программы: донную и емкостную. Опыт экспериментального моделирования остродонной керамики подсказывает, что при ее сборке ленточно-кольцевым способом возможно использование только емкостной программы формовки, то есть наращивания сосуда от венчика к донцу.

Зафиксированные в слое фрагменты со следами излома по спаю свидетельствуют о том, что каждая следующая лента крепилась к предыдущей внахлест с внешней стороны, затем стык замазывался. Донный конус, по-видимому, вставлялся в сосуд с внутренней стороны, сдавливался в верхней части и замазывался вертикальными движениями с позитива нижней ленты. Таким образом образовывался характерный для набильской керамики сосочек.

Формообразование сосуда выделяется исследователями в отдельный технологический этап. Однако, как отмечает Л.Н. Мыльникова, при формовке ленточно-кольцевым налетом необходимая форма сосуду придавалась в процессе конструирования полого тела<sup>18</sup>. Данное замечание нам кажется справедливым, поскольку процесс конструирования полого тела разбит на несколько самостоятельных производственных циклов по подготовке каждой новой ленты. В ходе каждого из них происходит подправка формы сосуда. Вероятно, что в керамических сосудах из жилища № 187 после

построения полого тела подправлялась лишь форма венчика, на что указывают фрагменты венчиков с закраиной, то есть следами искусственного загиба края глины внутрь сосуда. Об искусственном характере такого загиба свидетельствуют сохранившиеся на отдельных образцах отпечатки папиллярных узоров пальцев рук и вдавления на глине.

Следующим этапом производства керамики является механическая обработка поверхности сосуда. На осмотренных фрагментах керамики из жилища № 187 фиксируются следы лощения в виде ровных параллельных царапинок на поверхности сосуда. Такие следы на керамике оставляет твердое орудие – деревянное лощило либо поверхность мелкозернистой окатанной гальки<sup>19</sup>.

Весь орнамент на зафиксированных в жилище декорированных фрагментах относится к классу орнамента с негативным рельефом, то есть орнаментация производилась по сырой глине<sup>20</sup>. Следов окрашивания сосудов не зафиксировано, позитивный рельеф в виде дополнительных наклепов или защипов также отсутствует. Негативный орнамент представлен двумя подклассами: штампованным и тисненым, с подавляющим преобладанием первого над вторым (соотношение 86,5% и 13,5%). Тисненый орнамент представлен в виде различных композиций одиночных оттисков, нанесенных палочкой или косточкой с округлым кончиком под прямым углом либо наклонно. Композиционно тисненый орнамент представлен в виде хаотичного узора в верхней части сосуда (2 фрагмента), разреженных одиночных оттисков в одну линию под венчиком (3 фрагмента), наклонных косых вдавлений в одну линию (1 фрагмент), упорядоченного узора, образующего композицию из шести прямых линий, параллельных друг другу и венчику, и косых линий под ними (1 фрагмент).

Штампованный орнамент представлен оттисками зубчатых орнаментиров. Зубчатые штампы, называемые *гребенкой*, представлены в виде округлых и прямоугольных оттисков 3–7-зубой *гребенки*, на 4 фрагментах зафиксировано употребление варианта *гребенчатого* орнамента типа *гусеница*. *Гребенчатые* узоры образуют две композиции: 1. Основной узор образован прямыми и слабо наклонными оттисками, образующими одну линию. Композиция состоит из нескольких таких линий, выстроенных в один ряд под венчиком сосуда, линии параллельны венчику и друг другу. 2. Двухъярусный узор под венчиком. Верхний ярус представлен узором 1-й композиции, ниже располагается ряд полос в виде наклонных *гребенчатых* оттисков, образующих как бы *подвески*. Фрагменты с узорами, образующими 2-ю композицию, составляют около трети всех орнаментированных фрагментов. Следует также учесть, что не на всех фрагментах возможно было установить узор и композицию. Таким образом, композиция из нескольких прямых линий и наклонных подвесок под ними является наиболее распространенной в 3-м слое жилища № 187.

Часто орнамент наносился также на венчик изделия (41% от всех найденных в слое венчиков). На подавляющее большинство фрагментов узор нанесен в виде наклонного оттиска гребенки.

Обжиг сосудов производился в окислительной среде со свободным доступом кислорода. Цвет черепков варьирует от бежево-желтого до оранжевого. Точную температуру обжига сообщить пока не можем, но обжиг экспериментальных образцов дает основание предполагать, что температура обжига керамики из жилища № 187 составляла 600–800 °С. Выдержка ино-

гда была недостаточной, так как часть фрагментов имеет черную полосу недожога, заметную на изломе. Некоторые сосуды, по-видимому, подвергались послеобжиговому науглероживанию (дымлению) с внутренней стороны для того, чтобы улучшить свойства сосуда (уменьшить пористость, водопоглощение).

Завершая анализ *набильской* керамики из жилища № 187, хочется отметить, что мы не увидели в ней богатства видового разнообразия, как во многих других керамических традициях, а вариации, которые присутствуют в орнаменте и форме венчика, касаются частностей, деталей, оставляя общие признаки неизменными. Это позволяет характеризовать набильскую гончарную традицию как очень консервативную.

Чтобы ответить на второй вопрос, поставленный в начале статьи, на основе проведенного статистического анализа керамики в 3-м и 2-м слоях раскопа были созданы две схемы ее распространения. Для анализа отбирались только образцы, имеющие выраженные особенности принадлежности к *набильскому* или *пильтунскому* типам. О критериях отнесения керамики к *набильскому* типу сказано выше. К *пильтунскому* типу мы относили керамику с отогнутым венчиком, декором в виде налепов, проколов, жемчужин и округлым дном, то есть в соответствии с теми признаками, на которые указывают авторы концепции *пильтунской* культуры<sup>1</sup>. Интересным выводом, сделанным в процессе анализа, явилось то, что подавляющее большинство образцов *пильтунской* керамики обожжено в восстановительной среде, о чем свидетельствует равномерный серый цвет излома черепка. Это обстоятельство считаем дополнительным аргументом для выделения двух различных керамических традиций – *набильской* и *пильтунской*. Созданные на основе анализа керамического материала схемы его распространения позволяют сделать следующие выводы.

1. Керамика *набильского* типа концентрируется в третьем слое северной камеры жилища № 187, в том числе в очаге жилища, что свидетельствует о его принадлежности к *набильской* культуре.

2. Керамика *пильтунского* типа в третьем слое концентрируется в центральной части на полу жилища № 188 и в центре жилища № 189, что позволяет (учитывая также их типологическое тождество) отнести их к *пильтунской* культуре.

3. Смещение керамики в третьем слое фиксируется в южной камере жилища № 187, межжилищном пространстве и частично в жилище № 189. Это смещение, по-видимому, обусловлено позднейшими нарушениями целостности культурного слоя – позднейшей траншеей, а также естественными процессами оползания почвенных покровов.

4. Скопление *набильской* керамики в центральной части раскопа – к югу от жилища № 187 – свидетельствует о хозяйственной активности его жителей именно на этом участке.

Главным же выводом является тот факт, что *набильский* и *пильтунский* типы керамики в рамках третьего слоя образуют самостоятельные комплексы, не смешиваясь друг с другом.

<sup>1</sup> Горбунов, С.В. Каталог археологических коллекций Тымовского краеведческого музея. Поступления 1994–1995 гг. [Текст] / С.В. Горбунов // Свод археологических памятников Сахалина и Курильских островов. – Вып. 1. – Южно-Сахалинск, 1995. – С. 4–6.

- 2 Шубина, О.А., Жущиховская, И.С.: К вопросу выделения локальных культур в неолите Северного Сахалина (по материалам керамических традиций) [Текст] / О.А. Шубина, И.С. Жущиховская // XXVII съезд КПСС и задачи музейного строительства в Сахалинской области. – Южно-Сахалинск, 1986. – С. 16–18.
- 3 Василевский, А.А., Грищенко, В.А., Федорчук, В.Д., Можаяев, А.В. Археологические исследования Сахалинского государственного университета в 2003–2007 гг. [Текст] / А.А. Василевский, В.А. Грищенко, В.Д. Федорчук, А.В. Можаяев / Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой / отв. ред.: Н.А. Клюев, Ю.Е. Вострецов. – Владивосток, 2010. – С. 73–88.
- 4 Василевский, А.А. Сусуя и Эпи Дзёмон [Текст] / А.А. Василевский // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending: Japan and Russia Cooperativ Symposium. – Hokkaido, 2002. – Р. 93.
- 5 Василевский, А.А., Грищенко, В.А., Кашицын, П.В., Федорчук, В.Д. Археологические исследования Сахалинского государственного университета (2002–2005 гг.) [Текст] / А.А. Василевский, В.А. Грищенко, П.В. Кашицын, В.Д. Федорчук // Ученые записки Сахалинского государственного университета: сборник научных статей / под ред.: Т.К. Злобина. – Вып. 5. – Южно-Сахалинск, 2005. – С. 48–56.
- 6 Дерюгин, В.А. Керамика тымского типа и вопросы классификации, периодизации керамических комплексов эпохи палеометалла Сахалина [Текст] / В.А. Дерюгин / Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой / отв. ред.: Н.А. Клюев, Ю.Е. Вострецов. – Владивосток, 2010. – С. 246–258.
- 7 Василевский, А.А. Сусуя и Эпи Дзёмон [Текст] / А.А. Василевский // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending: Japan and Russia Cooperativ Symposium. – Hokkaido, 2002. – Р. 93.
- 8 Василевский, А.А. Каменный век острова Сахалин [Текст] / А.А. Василевский. – Южно-Сахалинск, 2008. – С. 239–240.
- 9 Шубина, О.А. Жилища древнего поселения. Залив Чайво-1 на Северном Сахалине (по итогам археологических исследований 2003 г.) [Текст] / О.А. Шубина // Культурное наследие народов Дальнего Востока России. Сахалинская область. Нивхи / отв. ред. Т.П. Роон. – Москва, 2011. – С. 11–15.
- 10 Василевский, А.А. Спасательные раскопки на поселении Чайво-1 Нгаян в 2004 году [Текст] / А.А. Василевский / Археологические исследования на острове Сахалин в 2004 году. – Том 3. – Научный отчет. – СЛАЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ. Оп. 1. № 22.
- 11 Орлова, А.А. Сообщение А.А. Василевскому № 1459.
- 12 Калибровка радиоуглеродных дат выполнена в программе OxCal 4.1 (калибровочная шкала IntCal 09).
- 13 История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия [Текст] / М.С. Высоков, А.А. Василевский, А.И. Костанов, М.И. Ищенко. – Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2008. – С. 181.
- 14 Ивлев, А.М. Особенности генезиса и биогеохимия почв Сахалина [Текст] / А.М. Ивлев. – М., 1977. – С. 68.
- 15 УАМ СахГУ. Коллекция № 581.
- 16 В этапах керамического производства А.А. Бобринский выделяет следующие стадии:
  - выбор исходного сырья;
  - подготовка формовочной массы;
  - изготовление начина;
  - изготовление полого тела;
  - формообразование;
  - обработка поверхности;
  - декорирование изделия;
  - сушка и последующий обжиг. (См.: Бобринский, А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения [Текст] / А.А. Бобринский. – М., 1978. – 278 с.).
- 17 Глушков, И.Г. Керамика как археологический источник [Текст] / И.Г. Глушков. – Новосибирск, 1996. – С. 46.
- 18 Мыльникова, Л.Н. Гончарство неолитических племен Нижнего Амура [Текст] / Л.Н. Мыльникова. – Новосибирск, 1999. – С. 37.
- 19 Глушков, И.Г. Керамика как археологический источник [Текст] / И.Г. Глушков. – Новосибирск, 1996. – С. 60.
- 20 Классификация орнамента произведена по схеме, предложенной Л.Н. Мыльниковой для кондонской керамики. (См.: Мыльникова, Л.Н. Гончарство неолитических племен Нижнего Амура [Текст] / Л.Н. Мыльникова. – Новосибирск, 1999. – С. 57–63).
- 21 Василевский, А.А., Грищенко, В.А., Федорчук, В.Д., Можаяев, А.В. Археологические исследования Сахалинского государственного университета в 2003–2007 гг. [Текст] / А.А. Василевский, В.А. Грищенко, В.Д. Федорчук, А.В. Можаяев / Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой / отв. ред.: Н.А. Клюев, Ю.Е. Вострецов. – Владивосток, 2010. – С. 78.

Архивное агентство Сахалинской области  
Государственный исторический архив Сахалинской области  
Сахалинский государственный университет

# **САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ИСТОРИИ РОССИИ:**

**к 65-летию образования Сахалинской области**

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**(24 января 2012 года)**